

Рана Ли Эрлана была вовсе не такой лёгкой, как он утверждал: на ноге зияла огромная рваная рана, и сквозь повязку то и дело проступала кровь.

Ли Сылан заплаканными глазами смотрел на старшего брата, губы его задрожали, и он едва снова не расплакался.

— Ну будет, ты же мужчина! Что это за рана такая? Разве она сравнится с теми, что получали отец и старший брат в битве с врагами!

Ли Сылан прижался к краю канга, всем видом выражая обиду: — Но ты же потерял столько крови!

— Тоу из нашего рода недавно отправился в деревню за лекарством к лекарю. Если так сильно переживаешь, сходи с Цзинь-нян к калитке, посмотрите, когда принесут лекарство.

Ли Сылан согласился и, потянув за собой Туанлана и старшую сестру, побежал к воротам двора выглядывать лекарство.

Ли Эрлан горько усмехнулся про себя, испытывая тяжесть на сердце.

Из-за ранения все работы в поле застопорятся: кроме расчистки новых земель, они ведь собирались сеять пшеницу, нужно было обиходить фруктовые сады, а там и сбор урожая на носу. В конце каждого сентября в деревню приходили бродячие торговцы-хуоляны, чтобы скупать товар, и к этому нужно было подготовиться заранее. Если вдуматься, у него не было в запасе ни единой свободной минуты.

И зачем только он проявил такую опрометчивость?

Сюй Цин внесла вечерний трапезу, и Ли Эрлан с тяжёлым сердцем ел ложку за ложкой, пока не доел до конца, после чего расспросил обо всём, что произошло.

Ли Эрлан и Ли Цзинь-нян возвращались домой после работы, как делали это обычно. В тот день они расчищали подножие горы Ланцан, где находился небольшой участок открытого поля. Дорога от подножия в обход была короче, и они нос к носу столкнулись с обезумевшим диким кабаном, который нёсся с горы. Зверь потерял рассудок и таранил всех подряд, несколько человек уже пострадали, не успев увернуться. Ли Эрлан оттолкнул сестру и сошлся с кабаном лицом к лицу. После нескольких схваток ему удалось опрокинуть эту тварь на землю и крепко прижать, но кабан успел задеть клыком его подколенную чашечку, оставив длинный и глубокий порез.

— Отец арендовал быка, и мы уже вспахали тридцать му. Я планировал засеять пшеницей все эти тридцать му, но теперь я ранен, и боюсь, оставшуюся землю закончить не удастся. Сейчас уже середина сентября, и не успеем оглянуться, как придут хуоляны за товаром.

Сюй Цин забрала пустую пиалу у Ли Эрлана и кивнула: — Сегодня я слышала, как тетушка говорила, будто уездная управа набирает людей на расчистку каналов, и твоему старшему брату придется уйти на три дня.

Ли Эрлан снова тяжело вздохнул. Его рана оказалась жутко не вовремя. В следующий раз нельзя быть таким безрассудным и не думать о последствиях. Даже если бы пришлось искать палку, это заняло бы совсем немного времени — как можно было голыми руками бросаться на кабана? Теперь он станет обузой для всей семьи.

Видя, как Ли Эрлан преисполнен раскаяния, Сюй Цин утешила его: — Эрлан, не терзайся. Сбирать фрукты я тоже умею, а ты пока посидишь дома, присмотришь за Туанланом и приготовишь еду.

Ли Эрлану оставалось только согласиться — сейчас это был единственный способ минимизировать убытки.

В этот момент Ли Сылан, держа на руках Туанлана, вбежал в комнату, прижался к краю канга и умоляюще уставился на Ли Эрлана: — Сестра забрала сверток с лекарством и ставит варить отвар. Второй брат, когда придет хуолян?

Ли Эрлан, одновременно заигрывая с Туанланом, ответил брату: — Что, леденцов захотелось?

— Совсем нет! Второй брат, не надо меня недооценивать!

Ли Эрлан перестал поддразнивать мальчика: — Придется подождать еще пару дней. Фрукты на горе еще не до конца созрели, как раз в пору прихода торговцев. Обычно плоды срывают только тогда, когда услышат звон колокольчика хуоляна, ведь если сорвать их раньше времени, они быстро испортятся.

Ли Сылан немного тревожился за Цзинь Цинюэ, который оставался на картине.

Запасы продовольствия у Цзинь Цинюэ сейчас действительно подходили к концу. Прожив на картине уже больше десятка дней, он заметно потерял в весе по сравнению с первыми днями, да и в целом стал поджарее и суше.

Нельзя же сидеть сложа руки в ожидании семян, и Цзинь Цинюэ попытался отыскать в нарисованном мире хоть что-нибудь съедобное. Однако, оглядевшись снова, он не нашел ровно ничего — даже на соснах не было ни единой шишки.

Разве осенью не положено плодоносить деревьям?

Он всерьез подозревал, что все предметы внутри картины оставались неизменными: деревья вечно зеленели, вода не переставала течь, сохраняя ровно то состояние, в котором их

запечатлел художник. Нарисуй автор хоть пару рыбешек, ему бы не пришлось голодать до такой степени.

Хотя другой еды отыскать не удавалось, последние дни Цзинь Цинюэ не сидел без дела.

С тех пор как у него появился огонь, он принялся обжигать глиняную посуду. Пускай результаты оставляли желать лучшего и больше напоминали обломки битого кирпича и черепки, порой с трудом удавалось вылепить хотя бы одну чашку, а порой и вовсе ничего не получалось. Тем не менее, шаг за шагом он старался изо всех сил улучшить качество своей жизни.

Пересаженные ранее саженцы зизифуса выросли уже по пояс человеку, и, по оценкам Цзинь Цинюэ, не пройдет и нескольких месяцев, как деревца зацветут и принесут плоды.

Вот только если через пару дней ему нечего будет есть, он просто умрет с голоду.

А идея заняться гончарным ремеслом пришла к нему совершенно внезапно — просто от невероятной скуки. Засмотревшись в оцепенении на языки пламени, он подумал, что оставлять землю пустовать — непростительно, а жечь огонь впустую — расточительно. Не испечь что-нибудь на углях было бы настоящим оскорблением для добытого с таким трудом пламени. Тогда Цзинь Цинюэ зачерпнул немного земли, разбавил водой и слепил примитивную чашку, бросив ее прямо в костер.

Разумеется, чуда не произошло: чашка треснула и разлетелась на такие мелкие осколки, что их невозможно было даже склеить. Но стоило ему достать черепки наружу, как оказалось, что грязь успешно превратилась в керамику.

Цзинь Цинюэ невольно восхитился: местная почва и впрямь оказалась универсальной — она не только ускоряла рост растений, но и отлично подходила для лепки.

С тех пор последние дни он только и делал, что возился с глиной в ожидании вестей от Ли Сылана.

Пусть еды по-прежнему не было, оставалось лишь поблагодарить автора картины за неисчерпаемые запасы сосновых веток, глины и воды.

Цзинь Цинюэ наделал множество глиняных мисок, горшков и чашек, выставив их под лучи солнца. Стоило просушить их полдня, как они становились твердыми, но вероятность растрескивания у таких полуфабрикатов была слишком высока. Тогда он предпочел сушить их в тени деревьев, и риск появления трещин заметно снизился.

После этого он отбирал уцелевшая утварь, помещал ее в огонь и обжигал докрасна, вытаскивая для остывания лишь тогда, когда при постукивании раздавался чистый металлический звон.

Технология была кустарной, поэтому и процент годных изделий получался невысок. Подобно убогой соломенной хижине, глиняная посуда работы Цзинь Цинюэ отличалась неизбывной, неуклюжей грубостью. К счастью, пользоваться ею было можно, а главное — всё это он создал собственными руками.

Цзинь Цинюэ чувствовал себя вполне удовлетворенным.

Но на этом небольшие главы не заканчиваются, пожалуйста, нажмите на следующую страницу для продолжения захватывающего сюжета!

Несколько дней подряд без усталости замешивая глину, Цзинь Цинюэ оттачивал свое мастерство гончара. Глядя на несколько целых готовых изделий, он чувствовал легкое головокружение от гордости и небольшого личного достижения.

Один горшок, две чашки и четыре миски — таков был итог пяти дней его хлопот.

Любуясь результатами своего труда, Цзинь Цинюэ задался новой мыслью: раз уж местная глина годится для лепной посуды, не подойдет ли она и для обжига кирпичей, чтобы построить настоящий дом?

Временный успех затуманил разум Цзинь Цинюэ, и ему не терпелось приступить к возведению жилища.

С тех пор как Ли Эрлан получил травму, Сюй Цин заменила его,нося еду в поле и помогая расчищать целину. Заметив, что теперь приходит она, остальные сразу догадались о случившемся. Староста Ли посоветовался с сыновьями и решил, что сорока расчищенных му вполне достаточно — оставшийся пустырь был слишком уж плох, так что лучше попробовать посадить там деревья.

Под вечер вся семья после долгого перерыва возвращалась домой вместе. Ли Эрлан, прихрамывая и прижимая к себе Туанлана, стоял во дворе — он уже приготовил ужин и ждал остальных к столу.

Вся семья жила прямо на полях, поднимаясь еще до рассвета. После семи-восьми дней каторжного труда Ли Санлан не просто загорел и похудел — все валились с ног от усталости.

— Двадцать му земли среднего качества можно засеять пшеницей напрямую, а из восьмидесяти му пустоши мы уже выбрали лучшие по расположению и плодородию участки и расчистили около шестидесяти. Оставшиеся сорок — сплошная неудобница. Эрлан, подумай хорошенько, что с ними делать, и скажи нам, — Ли Адэ закинул в рот кусочек лепешки, запил горячим супом из баранины и с облегчением вздохнул: — Земля уж слишком истощена, ее придется удобрять пару лет, прежде чем сажать чумизу, иначе даже семян не вернем.

— Позавчера Сылану идти в осеннюю школу, вернется только через десять дней... — теперь больше всего матушку Ли тревожил Ли Сылан, ведь младший сын впервые надолго уезжал из дома.

Частная школа содержалась в складчину несколькими соседними деревнями и располагалась в другом селении. Дорога туда на ослиной повозке занимала два часа сплошных подъемов и спусков по холмам.

Слушая разговоры взрослых, Ли Сылан улыбался внешне, а в душе отчаянно тревожился: когда же наконец придет хуолян?

После нескольких дней тяжелого труда, поужинав, все умылись и разошлись по комнатам, с облегчением падая на канг.

Снаружи снова воцарилась тишина. Цзинь Цинюэ посмотрел на остатки последней лепешки в руке и горько улыбнулся: эта лепешка пролежала уже дней десять и даже не испортилась. То ли здешний климат так продлевал срок годности продуктов, то ли сама лепешка была из тех, что не портятся?

Поразмыслив, Цзинь Цинюэ пришел к выводу, что верен второй вариант, ведь зизифус, сорванный в то же самое время, уже давно сморщился.

На следующий день Ли Сылан проснулся от доносившегося издалека звона колокольчика! Он с такой радостью вскочил с канга, что нечаянно задел больную ногу Ли Эрлана, заставив того вздрогнуть от боли.

— Услышал звон торговца и так всполошился, а еще говорил, будто не хочешь леденцов! — выругался Эрлан.

Сылан даже не стал оправдываться. Он сел на постели, торопливо натягивая одежду, и виновато бросил: — Второй брат, прости ради бога! Я сбегаю с Туанланом к хуоляну!

Перезвон вестника известил всех, что пора собирать урожай.

Несмотря на многодневную усталость, в семье Ли привыкли вставать рано. Сюй Цин тоже повязала платок, подобрала рукава и присоединилась к сбору фруктов, оставив во дворе лишь раненого Ли Эрлана.

Ли Сылан же вместе с Туанланом давно побежал в деревню к торговцу за лакомствами.

Стоило зазвенеть колокольчику одного хуоляна, как подспели и другие. Каждый скупал свои фрукты: кто-то — зизифус, кто-то — боярышник, а кто-то — груши.

Семья Ли выращивала в основном зизифус и боярышник, а груш почти не было, поэтому все разделились на два отряда, чтобы собирать плоды по отдельности.

Но принесенные из садов фрукты нельзя было сразу отдавать торговцам — их предстояло тщательно перебрать, отсеяв все гнилые ягоды. Если хуолян заметит слишком много брака, он больше никогда не станет у них закупаться.

Ли Эрлан тоже хотел пойти в деревню, и вовсе не ради покупок — у него было дело к торговцу. Однако он до сих пор не решался признаться домочадцам, что боль в ноге не утихает, а, судя по всему, даже начинает ухудшаться. Сейчас домашние были заняты до предела, и он хотел подождать, пока они закончат со сбором урожая, и только потом обратиться к лекарю.

Прошло немало времени, прежде чем Ли Сылан вернулся, сияя от довольства и прижимая к себе Туанлана — на душе у него было легко и радостно, ведь он наконец-то добыл семена.

Ли Эрлан сидел во дворе, сгребая фрукты для сортировки сразу после того, как родные доставили их с полей.

Заметив сияющий вид Сылана, он невольно усмехнулся: — Накупил леденцов?

Сылан и Туанлан зажали в кулачках по маленькому кусочку сахара и так самозабвенно их сосали, что у них просто не оставалось времени на разговоры.

Ли Сылан молча глупо улыбался, а расправившись с лакомством, тут же уселся рядом с Ли Эрланом, готовый приняться за работу.

Вскоре вернулся старший брат Ли Далан, управляясь с телегой, на которой громоздилось четыре-пять корзин с еще не до конца созревшим зизифусом. Такие плоды можно было грызть прямо так, а хуоляны пускали их на цукаты или сушили, превращая в красный финик, чьи косточки тоже шли на лекарства.

Не теряя времени, Ли Эрлан и Ли Сылан дружно взялись за дело, ловко сортируя урожай.

Они рассыпали зизифус ровным слоем по большому плетеному лукошку, бегло окидывали его взглядом, слегка нажимали ладонью и, прокатывая плоды по кругу, мгновенно вычленили подпорченные экземпляры, выбрасывая их в сторону.

Пятилетний Ли Сылан управлялся с корзиной ничуть не хуже старшего брата. Взяв лукошко точно такого же размера, как у Ли Эрлана, он со всем сосредоточением принялся за отбор.

Эта работа была им давно знакома, так что пять корзин зизифуса они перебрали в мгновение ока.

В этот момент отец приволок еще три корзины боярышника, выгрузил их и снова ушел в сад за новой порцией.

Сделав так несколько заходов, семья всего за каких-то два часа собрала более тысячи цзиней фруктов — на этом уборочные работы на сегодня подошли к концу.

Двоим — Эрлану и Сылану — было ни за что не управиться с таким количеством плодов, а после полудня торговцы должны были тронуться в обратный путь, в уездный город. Как только солнце начинало клониться к западу, хуоляны снова звонили в колокольчики, напоминая всем желающим продать урожай спешить к ним — ждать никого не будут.

Поэтому семья возилась во дворе до самого полудня, не имея свободной минуты даже на глоток воды или кусок еды. Подгоняемые временем, они кое-как завершили сортировку, после чего бросились толкать телеги в деревню.

Закупщики не проверяли каждый фрукт на месте — они записывали вес и имя доставившего товар, а уже по возвращении проводили выборочную проверку. Если обнаруживался брак, виновный навсегда вносился в черный список торговца.

Было одно обстоятельство, удерживавшее всех от обмана: хуоляны обменивались информацией друг с другом. Если товар отказывался принимать один, двери закрывали и все остальные. Именно поэтому сельчане действовали предельно осторожно, перебирая ягоды с ювелирной точностью, страшась лишиться сбыта.

Разделив груз на две поездки, отец со старшим сыном наконец распродали сегодняшние плоды и, получив на руки увесистые связки медных монет, позволили себе немного перевести дух.

Но передохнуть и нормально пообедать домочадцам так и не довелось. Не прошло и часа, как лицо Ли Эрлана резко переменялось: он даже не успел позвать лекаря, как в следующий миг закатил глаза и рухнул без чувств, не реагируя ни на какие оклики.

Матушка Ли в панике заголосила, требуя, чтобы отец немедленно уложил бесчувственного сына на телегу и вез в деревню к врачу.

Позабыв про обед, все в спешке поволокли потерявшего сознание Эрлана к медику.

Когда Ли Эрлан очнулся, стоял вечер следующего дня. Он лежал в доме лекаря, а рядом неотлучно дежурила мать.

Завидев, что сын пришел в себя, матушка Ли сквозь слезы принялась бранить его, готовая побить глупого парня: — Настоящая беда с тобой! Рана не зажила, а ты и слова не сказал! Лекарь говорит, там уже началось нагноение, еще чуть-чуть — и лишился бы ноги! Жалеешь нас, так пожалей себя! Разве сложно было попросить старшего брата отвезти тебя к врачу

раньше?!

Ли Эрлан попытался поднять руку и коснуться матери: — Матушка...

Она смахнула слезы: — Доктор вычистил гной и зашил рану, натерпелся же ты страху!

Понимая, что был неправ, Ли Эрлан тихонько успокаивал мать.

Все началось с той глупой выходки, когда он вздумал голыми руками останавливать кабанчика. Полученного урока было более чем достаточно — шрам на ноге навсегда отучит его от безрассудства, ведущего к беде близких.

Проспав столько времени, Ли Эрлан пропустил не только сегодняшний сбор урожая, но и проводы младшего брата — ведь именно сегодня у того начинались занятия в школе.

Ли Сылан заходил к нему перед отъездом, но тогда он еще был в отключке, и теперь они встретятся не раньше чем через десять дней.

То, что Ли Эрлан пришел в себя, означало миновавшую угрозу, и они могли возвращаться домой. Мать отравила звать старшего сына.

Ли Далан взвалил брата на спину, и оба под лучами заходящего солнца неспешно двинулись домой.

Устроившись на спине брата, Ли Эрлан вздохнул: — Я ведь еще даже на войну не сходил, врагов не бил, а уже обзавелся таким шрамом — поистине дурная примета!

— Что за глупости! — мягко оборвал его старший брат. — Вот если бы в бою не получал ранений — это да, плохо. А раз ты уже принял положенное на мирной земле, отправшись на фронт, будешь точно знать, как уберечься и как отделываться лишь легкими царапинами.

— Старший брат прав!

Пока братья возвращались из деревни домой, Цзинь Цинюэ как раз изучал принесенные семена и понемногу заделывал их в землю.

Накануне после полудня Ли Сылан наконец передал семена.

Впрочем, Цзинь Цинюэ ждал этого момента с самого первого звона колокольчика, гадая, когда же мальчик появится.

Судя по шуму со двора, семейство было целиком поглощено сбором плодов. Но после полудня во дворе почему-то поднялась страшная суматоха: крики смешивались с плачем, и именно в этот момент Ли Сылан шмыгнул в кабинет, бросил торопливую фразу о том, что второй брат заболел, сунул ему в руки сверток с семенами и заплаканным выбежал вон.

Ничем помочь он все равно не мог, поэтому оставалось лишь вернуться в хижину.

Развернув бумажный сверток, Цзинь Цинюэ замер от неожиданности.

В грубую серую бумагу были завернуты самые разные по форме и размеру семена — пестрая, разномастная смесь.

Пришлось сортировать их по видам, ориентируясь на внешний вид.

Всего в пакетике оказалось семь разновидностей семян: каких-то было по четыре-пять штук, а каких-то набралось несколько десятков или даже сотен.

К его величайшему восторгу, среди них обнаружилось пятьдесят восемь зерен того, что ни один хуасянец не перепутал бы ни с чем другим — с продолговатой, грубоватой золотистой шелухой. Это был рис, главная пища южан, которую он ел с самого детства.

Оставалось лишь гадать, сколько денег потратил Ли Сылан на покупку этих семян, и Цзинь Цинюэ мысленно поклялся выжать из них максимальную пользу.

Отобрав по несколько зернышек каждого вида, он распределил их по заранее взрыхленному и размеченному на участки клочку земли, аккуратно поставил метки, а затем с величайшей осторожностью набрал в термос воды и крошечными порциями полил каждую лунку.

С бесценными рисовыми зернышками он обошелся с особой аккуратностью, высадив их по всем правилам.

И в сердце его жила искренняя надежда, что завтра утром он проснется и увидит первые ростки.

<http://bllate.org/book/20806/2091674>